

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К92

Roxie Cooper
THE DAY WE MET
Copyright © Roxie Cooper, 2019

Перевод с английского *Анны Комаринец*
Художественное оформление *Марии Коняевой*

Купер, Рокси.
К92 Больше чем слова / Рокси Купер ; [пер. с англ.
А. Комаринец]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-101988-4

«Ты будешь в переполненной комнате, будешь с кем-то разговаривать, а он не сможет отвести от тебя глаз. Будет любить тебя, потому что ты совершенно несовершенна», — сказала мама.

Мы обе расхохотались.

В тот вечер она дала мне определение любви. Пообещала, что меня ждет кто-то особенный, и я ей поверила. Мама была моей героиней.

Но она не сказала, что, черт побери, случается, когда наконец находишь человека, а он женат на другой. Да и ты замужем. В двенадцать лет маму о таком не спрашивают. А теперь слишком поздно, потому что ее больше нет.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-101988-4

© Комаринец А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

В мамином парфюме всегда было что-то бесконечно умиротворяющее. Она наносила их со вкусом: немного за ухом и на левое запястье, а после легонько растирала его правым и, под конец, широким жестом распыляла облачко над головой.

Это был мой любимый момент.

С радостным возгласом я выпрыгивала из кровати и танцевала в опадающем облаке ароматных частиц, а они ложились на мои длинные золотые волосы. Как же мы с сестрой хихикали и смеялись, когда помогали маме выбирать платье к светскому обеду, на который она шла с папой! Они часто вместе ходили на такие мероприятия.

— Боже ж ты мой! Нет, мои сладкие! В таком не потанцуешь! — говорила мама, хмурясь на платье, которое мы вытаскивали из гардероба, платье, которое удовлетворило бы любую, но только не красавицу с мамиными стандартами. — Как насчет этого? — спрашивала она и жестом волшебницы доставала самое сверкающее, самое красивое платье в пол, какое мы только видели. — В таких выходят на сцену ассистентки фокусника.

— Да! Да! Это! — кричали мы с Эбони, глядя, как мама надевает облегающее платье.

6 РОКСИ КУПЕР

Просунув в вырез голову, она начинала извиваться и покачиваться, исполняя вроде как смешной танец, а мы хихикали, пока мама поводила бедрами, чтобы ткань быстрее обвила худощавое тело. Скользнув по верх серебристого, похожего на слизняка шрама у нее на поясице, ткань падала к полу, и, взметнув подолом, мама надевала туфли — завершающий штрих.

Моя красивая мама.

Она всегда выглядела настолько хорошенькой и полной жизни. Ярко-красная помада — ее любимая — ярко выделялась на фоне натуральных светлых волос. Она была воплощением гламура, и девяностые были ей к лицу.

Именно в один такой прекрасный, памятный вечер мама сказала мне кое-что, что осталось со мной до конца жизни.

Она как раз застегивала на шее чокер с бриллиантами, сидя за туалетным столиком, и я подошла к ней.

— Когда вырасту, я хочу стать точно такой же, как ты, мамочка, — шепнула я ей на ухо и сама захихикала от своих слов. Я так ею восхищалась.

— И будешь, детка. Я так тебя люблю, — откликнулась она, поцеловав меня в лоб, и со смехом вытерла оставшийся красный след от помады.

— Но за кого я выйду замуж? Он будет меня любить, как тебя папа? — спросила я. Не знаю, почему в том возрасте меня это так беспокоило, но, полагаю, я всегда была не по годам развитой.

Я наблюдала за ее утроенным лицом, ведь у столика было три зеркала, а она обдумывала свой ответ.

— Милая моя Стефани. Ты сама поймешь, когда найдешь того, с кем тебе предназначено быть. И знаешь как? — переспросила мама, поддразнивая.

Я ловила каждое ее слово, всматриваясь в безупречно накрашенное лицо.

— Ты будешь в переполненной комнате, будешь с кем-то разговаривать, а он не сможет отвести от тебя глаз. Он будет все время думать о тебе. Он будет любить тебя, потому что ты совершенно несовершенна. Вот как папа любит меня.

Я уставилась на нее с некоторой растерянностью.

— Что значит «совершенно несовершенна»? — спросила я, кривя лицо от стараний выговорить слова и недоумевая, верно ли их произнесла.

Ее лицо немного смягчилось, улыбка исчезла.

— Это значит всего лишь, что ты человек и что иногда ты совершаешь ошибки.

— Но как он меня найдет? — не успокаивалась я.

— Просто найдет. Ведь у каждого есть кто-то, для кого он предназначен, и вселенная вас сведет, нравится ли тебе это или нет. Вселенная позаботится, чтобы вы друг друга нашли, уж ты мне поверь. — И мама мне подмигнула.

— Очень надеюсь, мамочка! — взбудораженно воскликнула я.

— А если кто-нибудь обидит моих девочек, я из него дух выблюю! — добавила она и, изображая боксера, нанесла несколько отчаянных ударов.

— Ты ведь никогда меня не оставишь, правда, мама? — спросила я, на меня вдруг нахлынула тревога.

— Никогда. Я у тебя навсегда, моя радость, — улыбнулась она и обняла меня.

Зарывшись лицом в ее волосы, я вдохнула аромат ее лака для волос — даже сейчас этот запах способен перенести меня назад, в тот самый вечер.

В этот момент Эбони притащила папу, он был уже в смокинге, готов ехать на благотворительный бал, который давали в каком-то кантри-клубе.

— Давайте, девочки! Мне нужна фотография моих красавиц, — весело объявил он, поднимая повыше камеру.

У Эбони тогда был странный период страха перед фотоаппаратами, поэтому ей сниматься не хотелось, но мы с мамой ухватились за шанс. Помню, как мы стояли у окна тем жарким июльским вечером, помню, как аромат ее духов пронизал комнату. Помню, как к телу липла ночная рубашка — красная с мелкими белыми маргаритками на рукавах, — так мне было жарко.

Но лучше всего я помню маму. Ее длинное красное блестящее платье и светлые волосы, которые она перебросила через одно плечо, словно русалка. Она сказала что-то смешное, пока папа отсчитывал неизбежные «3–2–1» до щелчка... жаль, я не помню точных слов. Мы обе расхохотались. Красивая получилась фотография. Мы смотрим друг на друга, счастливо улыбаясь.

Но одного я не забыла, того, что мама сказала тем вечером, как я встречу «своего единственного». Она дала мне определение любви. Так и произошло, а потому определение было верно, ведь она все знает. Или, точнее, знала.

Она показала мне, что такое реальное и истинное. Она пообещала, что меня ждет кто-то предназначенный мне, кто-то особенный, и я ей поверила. Мама была моей героиней.

Но она так и не сказала мне, что, черт побери, случится, когда наконец найдешь того человека, а он вдруг женат на другой. И ты замужем за другим. То есть в двенадцать лет о таком ведь не спрашивают, так?

А теперь слишком поздно, потому что мамы больше нет.

ТЫ ЧТО-ТО ДЕЛАЕШЬ СО МНОЙ

Глава 1

Пятница, 13 октября 2006 года

Стефани

— человек несуеверный. Не из тех, кто из кожи вон лезет, лишь бы не пройти под приставной лестницей, отдает честь сорокам и вытворяет прочую чепуху. Какая трата времени! На мой взгляд, вселенной на нас наплевать, она едва ли станет портить кому-то день только потому, что ему случилось пройти под приставной лестницей. Или потому, что тринадцатое выпало на пятницу. Но кое-кто ведь до умопомешательства себя из-за такого доводит, правда?

В конце концов, если что-то дурное должно случиться, оно произойдет невзирая ни на что — будь то пятница, конкретный месяц или расположение планет.

Мы едем уже около часа. Мы, наверное, почти приехали.

Моя голова кренится к окну с пассажирской стороны и время от времени легонько стучается о подголовник, пока мы несемся по сельским дорогам. Мне отчаянно неудобно, но, если я и дальше буду так сидеть, Мэтт, возможно, решит, что я заснула, и не придется разговаривать. Он слишком гонит по петляющим загородным шоссе на своем «BMW Z4» цвета голубой металлик. Мэтт всегда слишком быстро водит.

Теперь мне жаль, что я вообще согласилась на эту поездку. Но это было необходимо. Оливковая ветвь, если хотите. И кроме того, это заставит их на добрые пару месяцев перестать меня донимать.

— Стеф? — весело окликает Мэтт. — Я знаю, что ты не спишь.

Я поворачиваюсь лицом к нему, выдавливаю слабую улыбку и наклоняюсь за солнечными очками, которые у меня в сумке под ногами. Надев очки, я направляю горчичный шарф крупной вязки. Поначалу цвет мне не слишком нравился, я боялась, что он не подойдет к моим волосам, ведь от природы я платиновая блондинка.

Шарф оказался идеален для осени, а это мое любимое время года. В осени я люблю все: краски, резковатый холодноватый ветерок, даже ее звук (да, у осени есть свой звук!). Мне даже замуж хотелось выйти осенью, но Мэтт настоял на лете по уйме разных причин, с которыми я не соглашалась. Поэтому 16 июля 2007 года я стану миссис Стефани Байуотер.

— Я хочу, чтобы ты отлично провела уик-энд, — с чрезмерным энтузиазмом говорит Мэтт.

Недавно он коротко подстригся и все еще учится, как носить короткую стрижку. Как и я, он от природы блондин. Люди вечно отпускают на этот счет замечания, мол, мы похожи на шведов или что у нас будут красивые дети, «когда придет время». Короткие волосы Мэтт уложил гелем перьями под Дэвида Бекхэма, последний писк моды. Ему идет, кстати.

— Я постараюсь, — говорю я, присовокупляя к ответу вежливую улыбку, на самом деле тщетную, поскольку он смотрит на дорогу и не видит моего лица. Однако эмоция-то за этой улыбкой есть.

— Просто погрузись в происходящее, Стеф, — продолжает Мэтт, — постарайся вписаться. Прикоснись к тому, что когда-то тебя радовало. Ты же раньше любила искусство, фотографию и все такое...

Посреди этой нотации мотор машины набирает обороты, словно подчеркивая, что Мэтт на самом деле хочет до меня донести.

— Джейн сказала, тебе будет полезно...

— Ага, знаю, — вздыхаю я, глядя в окно на поразительной красоты пейзаж.

— Восстановить связь с прошлым. Вернуть себе самоуважение... — продолжает Мэтт.

— Ага. Самоуважение. Восстановить и все такое... — поддакиваю я.

— Оставить разное позади...

Разное.

— Да. Точно. Никакого больше разного... — отвечаю я.

— Прости, детка, ты знаешь, о чем я. Просто хочу, чтобы тебе полегчало, вот и все.

— Да, знаю. Все в порядке...

Не поймите меня превратно, я знаю, что люди просто стараются помочь, но я хочу, чтобы меня оставили в покое. Просто хочу «быть», остальное приложится. Но нет. Вечно им надо докапываться, звонить друг другу тайком, строить озабоченные мины, обрывать разговор, едва я войду в комнату, от чего становится ослепительно очевидным, что говорили обо мне. Мне бы так хотелось, чтобы они просто отступили. Отец с сестрой хуже всех. Они — заодно с Мэттом — организовали сам этот уик-энд. Эбони «помогала» мне укладываться (уж и не знаю, почему в возрасте двадцати шести лет мне требуется помощь, но подозреваю, что

это, чтобы убедиться, что в сумке у меня нет ничего подозрительного или нелегального). Честно говоря, если я и не питаю особых восторгов или большого энтузиазма, что проведу все выходные на «Творческом воркшопе «Искусство и фотография на выходных» в просторном вычурном поместье в Суффолке, то определенно я испытываю некоторое облегчение, что уеду от всех постоянно надоедающих мне доброжелателей.

Это предложила мой врач-психотерапевт доктор Джейн Корин. Я сидела у нее в кабинете (как делала это раз в две недели на протяжении трех месяцев), а она вдруг предложила, чтобы я восстановила свою связь с тем, что мне когда-то нравилось. Лето как раз заканчивалось, солнечные лучи лезли в прорези жалюзи на окнах ее кабинета. Особого комфорта я в этом помещении никогда не испытывала. Диван у нее из жестких, какие обычно стоят в приемных у дантистов, неудобный и непривлекательный. Он светло-серый с черными стежками, возле каждого подлокотника — по аккуратной белой подушке. Не такого ведь ожидаешь, да? И когда психоаналитик говорит: «Проходите, ложитесь на диван и расскажите о вашей матери», то хотя бы надеешься на удобный, черт возьми, диван.

Я знаю, почему должна к ней ходить, но, в сущности, не вижу от этого пользы. Доктор только и делает, что задает мне вопросы, на которые я не знаю ответов, а на те ответы, которые я умудряюсь найти, сыпет все новыми вопросами. Уверена, в «реальной жизни» она прекрасный человек, но как врач иногда меня раздражает. В остальном мой психотерапевт интересная, эксцентричная женщина, сухощавая, под сорок, с яр-

ко-рыжими волосами, которые закалывает на макушке одной и той же черной заколкой-бабочкой. В первые три сеанса я вообще ничего не говорила. Просто сидела у нее в полном молчании. Ее это вполне устраивало, что меня раздражало. Просто улыбалась всякий раз, когда я смотрела на нее. Странная, наверное, работа — сидеть напротив людей... больных, изломанных, и целый день их оценивать.

Я испытываю облегчение, увидев, как справа появляется указатель на Хитвуд-Холл. Мы поворачиваем. Впереди на шоссе ложатся лучи заходящего октябрьского солнца, а само шоссе обступили старые дубы в сполохах красных, оранжевых и желтых листьев.

Пока машина ползет по подъездной дорожке, я снимаю очки, чтобы всмотреться в сам Хитвуд-Холл, который понемногу нам открывается. Это отдельно стоящий помещичий дом девятнадцатого века. Парадный фасад двухэтажного здания выходит на перекатывающиеся холмы. Главное его украшение — величественная терраса с огромным трехуровневым каменным фонтаном.

Когда мы останавливаемся, у меня уходит добрых несколько минут, чтобы выйти из машины, потому что Мэтт читает мне «вдохновляющую лекцию» о том, как мне «надо всю себя вложить в этот уик-энд». Без толку пытаться прервать его или что-то ответить, поэтому я просто улыбаюсь и киваю, а про себя думаю, будет ли из моего окна красивый вид. Я берусь за ручку двери, чтобы подчеркнуть, что мне нужно идти, но до Мэтта это не доходит.

Поцеловав его, пообещав позвонить позже и сказать, что люблю его, я наконец получаю возможность

сбежать. После часа, проведенного в машине, я с благодарностью вдыхаю свежий сельский воздух. Я достаю из багажника Мэтта мою красную кожаную сумку, пару раз машу ему, и он отъезжает.

Я могу вздохнуть свободней.

Всего-то четверть пятого, а уже темнеет: сумерки оттенка индиго спускаются — надо признать — на поразительно красивый Хитвуд-Холл. Потуже затянув узел на поясе нового черного осеннего пальто до колен, я направляюсь к террасе. Воздух пропитан знакомым запахом горящего дерева. Меня пронизывает воспоминание. К такому привыкаешь, если вырос за городом: запахи, свежий воздух, возможность выглянуть ночью в окно и увидеть звезды. Думаю, я просто все это забыла. В сущности, на какое-то время я многое вычеркнула из памяти.

Хитвуд-Холл освещен десятком ярких уличных фонарей. Весь фасад здания заплел ярко-красный плющ. На первом этаже из окон со свинцовыми переплетами с массивными каменными украшениями льется тусклый свет.

Перед тем как войти, я с минуту медлю. Напоминаю себе, что делаю это ради моей семьи и что надо сделать над собой усилие, потому что это важно. Но от неприятной тяжести внутри желудка это не избавляет.

Я осторожно поднимаюсь по каменным ступеням, поворачиваю латунную ручку и открываю тяжелую дверь. Кажется, я опоздала. Нет, я знаю, что опоздала, потому что регистрация закончилась в четыре. Я быстро оглядываю стойку ресепшен в поисках кого-нибудь, кто бы мне помог.

И тогда я вижу его.

Глава 2

Пятница, 13 октября 2006 года

Стефани

В холле пусто и тихо, только из бара слева от меня доносится негромкая болтовня. Передо мной огромный зажженный камин. Кто-то явно недавно подбросил в него дров, поскольку пламя трещит и пляшет с яркой силой. Перед камином стоит мужчина и рассматривает деревянную полку, на которой примостились целый ряд крупных свечей, побрякушек и срезанных веток по сезону: ягоды, вроде бы листья и веточки остролиста (я так и не научилась разбираться в растениях).

Мои каблуки стучат по черным и терракотовым ромбам-плитам пола, когда я подхожу к стойке регистрации.

За стойкой никого, и нет звонка, чтобы кого-то вызвать.

С минуту я медлю, оглядываясь по сторонам. Мужчина у огня не двинулся с места. Даже не повернулся. Я вижу его только со спины: у него довольно длинные темные волосы, он одет в джинсы и черное пальто. У его ног чемодан и зеленая холщовая дорожная сумка.

По холлу внезапно проносится ледяной сквозняк, меня пробивает холодок. Подойдя к огню ради толики тепла, я встаю рядом с мужчиной (но не слишком близко), который все еще рассматривает что-то над каминной полкой.

— Вы с этим согласны? — спрашивает он.
У кого, собственно? У меня?